

П И Ф Т

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Мария Зайцева

Лифт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70516996

Лифт:

Аннотация

Дикий грохот музыки за стеной был невыносим. Не помогали ни беруши, ни недавно сделанный ремонт со специальными звукопоглощающими панелями. Никакие панели не помогут, если трясется ВСЕ!

Мария Зайцева

Лифт

Лина поставила чашку с чаем на стол, некоторое время с огорчением наблюдала, как та подпрыгивает в такт музыке. Что-то надо было делать. Но что конкретно, Лина не знала. Время было девять вечера. По закону до одиннадцати часов на своей территории... Сосед ей это популярно объяснил как-то раз, когда она, набравшись смелости, обратилась к нему на лестничной клетке.

Лина помнила внимательный, удивленно-раздраженный взгляд, невыносимый запах перегара, сигаретный дым, выдыхаемый в ее сторону. Она тогда, кажется, испугалась и быстро скрылась в своей квартире. И через десять минут музыка опять загрохотала.

Надо признать, что подобные загулы случались у соседа не очень часто, на ее памяти этот четвертый за полгода. Но уж если он начинал веселье, то продолжаться оно могло несколько дней. Все это время дверь в его квартиру не закрывалась, постоянно приходили и уходили самые разные, зачастую, очень подозрительно выглядящие люди, ярко одетые женщины. У весь тротуар и всю парковку занимали байки.

В подъезде нового многоквартирного дома, с преобладанием однокомнатных квартир и студий, обитали, в основ-

ном, молодые семьи без детей, студенты, одинокие люди. Периодически вечеринки устраивали многие, поэтому особенно никто не возмущался. К тому же сосед все-таки знал меру. В одиннадцать часов музыка выключалась. Но шум не прекращался. Веселые, разгульные голоса, хриплый смех, глубокой ночью были отчетливо слышны визги и стоны женщин. Если бы Лина знала, что у нее в соседях будет такой неприятный тип, то десять раз подумала бы, прежде чем купить квартиру в этом доме. Теперь же деваться было некуда. Оставалось только терпеть.

Лина приняла душ, привычно сунула в уши беруши, улеглась в постель.

Завтра тяжелый день. Много работы.

* * *

Утром Лина столкнулась с неприятным соседом возле лифта. Она тихо поздоровалась, сожалея, что придется ехать с ним в одной кабинке. Пока мучительно пыталась придумать причину, по которой она могла бы остаться на площадке и дождаться другого лифта, сосед привычно закурил.

Лина закашлялась:

– Простите, – все-таки обратилась она к мужчине, который демонстративно курил, не обращая внимания на ее кашель, – не могли бы вы не курить, здесь не место для курения...

– Да плевать, – сосед отвернулся.

Лина с негодованием смотрела на него, не понимая, как можно быть таким грубым, невоспитанным, бессовестным.

Тут подошел лифт, сосед, слава богу, потушил сигарету, вошел, повернулся к ней и вопросительно поднял бровь, придерживая кнопку открытия двери.

Лина вздохнула и шагнула следом.

Лифт медленно поехал вниз. Сосед, нахмурившись, изучал экран телефона, Лина внезапно поймала себя на том, что разглядывает его.

Надо признаться, посмотреть было на что.

Высокий, очень высокий, просто огромный, мощные плечи, обтянутые кожаной курткой, отросшие неряшливо волосы, явно требующие стрижки, забитые рисунками кисти рук.

Лина знала, что у него все руки, плечи и шея в татуировках, не раз видела его в футболке, курящим в подъезде. Мужчину можно было бы назвать привлекательным, если б не неприятное, вечно замкнутое выражение лица. Лина ни разу его не видела улыбающимся, смеющимся. Хотя смех мужской часто слышала из-за стены. Смех, низкий и хриплый рык, иногда стоны. Сейчас, глядя на него, девушке сложно было поверить, что сосед способен хоть на какие-либо эмоции.

Увлечшись разглядыванием, Лина пропустила момент, когда мужчина заметил это. Она только осознала, что уже некоторое время он смотрит на нее, так же удивленно при-

подняв бровь, насмешливо поблескивая серыми глазами.

У него серые глаза... Красивые, с темными вкраплениями возле зрачка...

Лина, поняв, что попалась, задохнулась, мучительно покраснела, отведя взгляд, наконец.

Боже, сколько же едет этот лифт?

Чуть только двери распахнулись, девушка буквально выбежала на улицу. Услышала за спиной тихий смешок, но не оглянулась, только покраснела ее больше.

Весь день на работе Лина не могла прийти в себя.

Какая же она дура! Зачем смотрела на него? Что он подумал о ней? Как теперь быть? Ведь, наверняка, они еще не раз столкнутся в коридоре...

Лина ругала себя за слабость и неуверенность. Другая бы на ее месте...

Что на ее месте сделала бы другая, Лина додумать не могла. В обед в магазин, где она работала консультантом в отделе косметики, пришел бывший муж с букетом цветов. Праздник же, ее именины.

Сколько Лина себя помнила, ее именины всегда отмечались наравне с ее днем рождения. Она знала, что вечером придут ее двоюродные братья, поздравить. Бывшего мужа не ждала. Не думала, что он помнит.

Антон бормотал поздравления, настойчиво совал неказистый букет, Лина нетерпеливо посматривала на часы, гадая, каким образом она умудрилась не только выйти замуж за это

недоразумение, но и прожить с ним целых два года.

И совершенно не понимала, зачем он пришел.

Неужели, в очередной раз пытался помириться?

Она пару раз невпопад кивнула, и Антон, поняв наконец, что его не слушают, обиделся и ушел.

Лина только вздохнула с облегчением.

Невероятно просто, где были ее глаза...

Ближе к вечеру пришли братья. Одинаково смуглые, красивые, увешанные золотом.

С огромным букетом белых роз.

Из соседних отделов на цирк глазели другие продавцы и покупатели. Лина только досадливо вздохнула. Работала она здесь недавно, и предпочла бы, чтоб никто не знал о ее особенной семье. Но где там! Разве родственникам объяснишь? Они специально пришли в рабочее время, чтоб пустить пыль в глаза. Цыгане...

Тем не менее, Лина была рада их видеть. Кроме них, у нее в стране не осталось родни, мама с младшими детьми жила в Италии, с новым мужем-итальянцем и поздравила дочь еще с утра, перед работой.

Братья, позубоскалив и постреляв глазами на симпатичных коллег сестры, наконец, отправились восвояси. А Лина осталась разгребать последствия.

Напарницы были страшно заинтригованы. Лина не производила впечатления человека, имеющего подобные знакомства.

Пришлось со вздохом, кратко, в который раз уже, рассказывать историю своей семьи. Про бабушку, коренную таборную цыганку, про маму, влюбившуюся в русского парня. Родня от нее не отказалась, всегда поддерживали отношения.

Потом отец умер, мама через пару лет встретила итальянца, приехавшего в Россию работать по контракту, и уехала с ним в Италию.

Лина как раз в это время заканчивала институт и не поехала с мамой. Хотела после получения диплома, но встретила Антона, вышла замуж и как-то все закрутилось. Потом развод, раздел имущества...

Отчим был обеспеченным человеком, Лина могла бы не работать, к тому же семья ее не оставляла, постоянно поддерживала, многочисленные дяди, тети, двоюродные братья, которых было не просто много, а очень много, только радовались, когда она приезжала в гости, бесконечно убеждали, что женщине, тем более такой красивой, не надо работать! К ней даже сватались сыновья цыганских баронов, хоть и не принято у них брать в жены разведенную. Но Лина к тому времени уже привыкла к самостоятельности, к свободной независимой жизни. И не хотела ничего менять.

А потом и работу нашла, пусть и не особенно престижную, и не по профессии, зато по душе.

– Ну удивительно, – ее напарница, Наталья, высокая симпатичная, хотя и немного вульгарная блондинка, никак не

могла успокоиться, – никогда не скажешь по тебе, что ты цыганка. Вообще не похожа. Такая всегда... скромная, уточненная. Я бы подумала, что ты итальянка...

Лина улыбнулась. Она вообще всегда очень охотно улыбалась, зная, как ей это идет.

– Да уж, – поддержала Наталью другая коллега Лины, – ты необычно тихая, интеллигентная, я ни разу не слышала, чтоб ты материлась.

– Да у нас как-то не принято это... – засмушалась Лина, – у вас немного неверные представление о цыганах... Моя семья не имеет отношения к тем цыганам, что ходят по рынкам...

Тут их прервали покупатели, и Лина погрузилась в работу. Ближе к вечеру напарницы принялись уговаривать ее отметить именины, и, хотя Лина не планировала ничего отмечать, желая только как можно скорее добраться до дома, отказать не смогла, согласившись немного посидеть в кафе.

Для посиделок девушки выбрали странное место, Лина не бывала никогда в таких. Она вообще мало где бывала, выйдя замуж на последнем курсе института за такого же домоседа, как и она сама.

И потому удивленно рассматривала яркий танцпол, мелькание светомузыки, постоянное мельтешение гарода вокруг. Место ей откровенно не нравилось.

Лина вздрагивала от слишком громкой музыки, слишком развязных голосов, слишком откровенных взглядов. Она вы-

пила пару коктейлей и, не имея привычки к спиртному, опьянела. Наталья недолго посидела за столиком, улетев сначала танцевать, а потом вместе с каким-то мужчиной вообще ушла из кафе. Лина, посидев еще чуть-чуть, стала замечать, что многие мужчины разглядывают ее как-то чересчур пристально. Вскоре официант принес коктейль “От молодого человека с пятого столика”, и Лина засобиралась домой.

* * *

Такси притормозило возле подъезда. Лина, пошатываясь, двинулась к дому. Голова была словно в тумане. Несколько выпитых коктейлей, тепло машины – и ее развезло нешуточно. Теперь бы добраться до дома и упасть в постель. Сегодня она точно не услышит грохота музыки из соседней квартиры, даже если он и будет.

Утреннее происшествие опять зажгло румянец на щеках. Боже мой, ну почему она такая... Как девочка, не может контролировать реакцию своего тела, даже смешно. И она смешна.

И у нее с самого развода, уже два года, никого не было. Может, именно поэтому Лина так разглядывала сегодня своего огромного brutального соседа.

Пьяный мозг родил идею вернуться обратно в кафе. В конце концов, чего она испугалась?

Лина почему-то всегда пугалась и стеснялась, когда ею ин-

тересовались мужчины. Может, сказывалось мамино строгое воспитание, может, просто природная ее скромность и неуверенность в себе. Эта неуверенность стала еще сильнее после развода.

Нет, назад она не поедет. Одна только мысль о необходимости поддерживать разговор с незнакомым мужчиной, напрягала. Нет уж, домой, домой...

Двери лифта открылись, Лина нажала кнопку закрытия дверей, устало прислонилась к стене.

Створка не успела до конца закрыться, ее придержала рука в кожаной мотоциклетной перчатке.

Лина подняла взгляд и обмерла.

Боже, нет. Нет!

Сосед как всегда язвительно усмехнулся, увидев ее.

– Кто это у нас тут? Привет, соседка!

Лифт наполнил запах перегара.

– Э-э-э-э... Добрый вечер... – пробормотала Лина, не поднимая глаз.

Лифт тронулся.

Лина вжалась в стену.

Боже, быстрее бы приехать!

Она чувствовала себя ужасно неудобно. Сосед, со своими габаритами, занял столько места, что, казалось, даже воздуха не хватает.

Внезапно моргнул свет, лифт дернулся и остановился. Лина испуганно посмотрела на мужчину. Тот нажал кнопку свя-

зи с диспетчером. Никто не отвечал.

Сосед выругался, достал телефон, выругался ее грязнее.

Лина стояла ни жива ни мертва. Она просто кожей чувствовала раздражение мужчины и исходящую от него опасность.

Он нервно сунул телефон в карман, поглядел на нее:

– Чего застыла? Телефон есть?

– Да, конечно... – Лина поискала с сумочке, но телефона не было, – Боже... я, наверно, в такси выронила...

– Ну супер! – сосед не сдерживался в эмоциях, – у меня батарея села, с диспетчером связи нет, сколько просидим здесь, неизвестно.

Лина почувствовала, что ее не держат ноги.

Только теперь она начала понимать весь ужас своего положения.

Заперта без связи в маленьком замкнутом пространстве с грубым несдержанным неприятным мужчиной. И когда лифт починят, неизвестно. Уже очень поздно, соседи заметят только утром поломку и вызовут службы. Ей предстоит ночь в компании человека, которого она не выносит, и который, судя по всему, не выносит ее.

Сосед тем временем снял куртку, кинул ее на пол, уселся. Искоса глянул на девушку.

– Чего стоишь, садись.

Лина, подумав, аккуратно сняла пальто, сложила его и уселась.

– Аккуратистка, – усмехнулся сосед.

– Это плохо? – с вызовом посмотрела на него Лина, внутренне ахая от своей дерзости. Все-таки алкоголь делает людей раскованнее и смелее.

– Ты че-то разговорчивая... – тут сосед резко наклонился к ней, с шумом втянул воздух. – Пила что ли?

Лина, отшатнувшись от него в самый угол, прошептала:

– Это не ваше дело...

– Ну само собой... – он рассмеялся, – надо же... А я-то думал, что ты правильная девочка...

– Даже правильные девочки иногда могут выпить, – проворчала Лина, почему-то оправдываясь.

– Ну да... – согласился сосед, – догнаться хочешь?

– Что?

Он покопался в кармане куртки, достал тонкую, но объемную фляжку:

– Будешь?

– Нет, спасибо... – пить в его присутствии было крайне неразумно.

– Да ладно тебе, нам здесь всю ночь сидеть... – сосед практически насильно сунул ей фляжку в руки.

Лина, вздохнув, взвесила фляжку в руке. Прилично.

– Что это?

– Пей, – рассмеялся он. Приятный смех, надо же... Внутри живота как будто перышком пощекотало.

Лина, немного удивившись своей реакции на мужчину,

поднесла горлышко к губам, глотнула. Горло обожгло. Крепкая дрянь какая!

Она приложила все силы, чтоб не закашляться, посмотрела на с интересом наблюдающего за ней соседа. Тот, не дождавшись нужной реакции, хмыкнул, забрал у нее фляжку, отпил. Выдохнул.

– Ну, как тебя зовут?

– Лина.

– Александр.

– Очень приятно...

– Вежливая...

– Это плохо?

– Еще выпьем?

– Пожалуй...

Второй глоток обжигающей жидкости пошел несравнимо легче. И разговор начал складываться.

– Александр...

– Можно Саша.

– Саша, где вы работаете?

– Можно на ты. У меня автомастерская. Байки в основном... А ты?

– Я консультант в магазине косметики.

– А, понятно... А я-то все понять не мог, чего это за запах такой охренительный от тебя каждый раз...

– О... – Лина засмеялась, – это не какой-то особый аромат... Просто смешение, всего на свете. Когда работаешь,

пропитываешься этим всем и не замечаешь даже...

– Ну, мне нравится, возбуждает...

– О... – Лина не знала, как реагировать на подобное признание. Ей не приходило в голову, что кого-то, а тем более такого, как он, может возбуждать ее запах.

– И чего ты сегодня навеселе? – сосед перевел разговор, и Лина была этому несказанно рада.

– У меня именины...

– А кто-то еще отмечает именины? – рассмеялся он.

Лина тоже улыbnулась. Все-таки у него невероятно приятный смех, с теплой хрипотцой, от которой внезапно побежали мурашки по коже.

Лина опять слегка поежилась от неожиданных ощущений. Она не помнила, чтоб прежде такое испытывала.

– И что, тебя поздравляли?

– Да... Сначала мама с утра по телефону, потом муж бывший пришел, потом братья...

– И давно у тебя муж бывший?

– Уже два года.

– А чего разбежались?

Лина задумалась. С Сашей почему-то было неожиданно легко разговаривать, даже странно, насколько обманчивым оказалось первое впечатление. Или это алкоголь так растормозил его? Но стоило ли рассказывать про свое неудачное замужество?

Саша верно понял ее заминку, сунул фляжку в руки. Ли-

на приняла, задумчиво отпила. А почему бы и нет? Это, наверно, что-то похожее на синдром попутчика. Рассказывать личное малознакомому человеку. С Сашей она, конечно, будет сталкиваться, но нечасто...

– Если секрет, то не надо, – Саша пожал плечами.

– Да нет, какой секрет... Просто как-то исчерпали себя отношения... Может, я не очень хорошая жена...

Лина отпила еще, чувствуя шум в голове. Она не очень хотела говорить о том, что было два года назад. Это все переболело и прошло. Осталось только недоумение.

– Не знаю, какая ты жена, но баба ты просто охренительная, дурак твой бывший... – пробормотал Саша, тоже отхлебывая из фляжки.

– Что, прости? – не поняла Лина, думая, что ослышалась.

– Ничего. Дурак, говорю, твой бывший, раз такую девочку упустил. Я б не упустил, – помолчав, добавил он.

Лина внезапно задохнулась. Это был очень необычный комплимент, странный. Да и он сам был странный. Лине не приходилось общаться с такими людьми. Он не задумывался, когда разговаривал, выдавая все, что крутилось в его голове. И это ... возбуждало. Да, возбуждало.

Лина зажмурилась, пытаясь побороть в себе ненужные мысли.

Это просто спиртное.

Это просто организм так реагирует на, чего уж скрывать,

очень привлекательного мужчину. Мужчину, который говорит ей, что она... Как он сказал? “Охренительная девочка”. Сомнительный грубый комплимент почему-то зацепил. Может, потому что был искренним?

Лина чуть повернула голову. Саша сидел, откинув голову на стену лифта, прикрыв глаза. А у него, оказывается, очень красивый четкий профиль, твердые губы, щетина, даже на вид грубая. Брутальная. Волосы, в которые хочется запустить руку, погладить, почувствовать, насколько они мягкие. А, может, наоборот, жесткие? Лина с усилием отвела руки назад, чуть ли не сцепила их в замок, боясь, что не сможет побороть искушение.

Внезапно ей вспомнились недавние звуки, отчетливо доносящиеся из его квартиры. Стоны. Женские. Несдержанные.

Что же он такое с ней делал, с этой девушкой, что она так стонала?

Лина никогда так не вела себя в постели с мужем. Он был ее первым и единственным мужчиной. Ей было хорошо с ним, но не настолько, чтоб, потеряв всякий стыд, стонать на радость всем соседям. Некстати вспомнилось, как Антон посмеивался над ней, укоряя в отсутствии цыганского темперамента. Тогда она обиделась. А теперь... Не понимая, что с ней происходит, Лина просто не могла оторвать взгляд от соседа. Внизу живота стало тяжело и горячо. Что же это?

– Ты чего?

Черт! Она опять засмотрелась, и Саша поймал ее! Да что же наказание!

– Ничего...

А может? Нет. Она просто пьяная. Надо просто... Что надо?

Саша все еще вопросительно поглядывал на нее, а Лина чувствовала, что сходит с ума. Ей внезапно дико захотелось коснуться его. Почувствовать вкус его губ, ощутить, насколько крепкие у него руки... Безумие какое-то...

Лина нерешительно, опасаясь, что оттолкнет, засмеется, протянула руку, провела по его волосам. Мягкие.

Сосед просто застыл, неотрывно глядя на нее, не делая попытки ни отстраниться и приблизиться.

Лина, дурея от собственной смелости, коснулась кончиками пальцев колючей скулы, дотронулась до рта. Саша чуть раскрыл губы, прихватил ее пальцы, несильно куснул.

– Ты чего делаешь, девочка? – немного растерянно и почему-то шепотом спросил он.

Лина не отвечала, абсолютно уверенная в том, что стоит только раскрыть рот и сказать хоть слово, и вся ее смелость испарится.

Она только сглотнула, нервно облизала губы и продолжила путешествовать пальцами по шее Саши, очерчивая ключицы, оглаживая широченные плечи с четким рисунком татуировок, проступающим из-под белой футболки.

– Остановись, не играй в эти игры со мной.

Его голос безумно возбуждал, заставляя низ живота еще сильнее наливаться тяжестью, сладко ныть.

Губы опять пересохли. Это было просто наваждение какое-то, безумие.

Лина взяла соседа за руку, перевернула ладонью вверх, провела подушечками пальцев по линии жизни. Как там бабушка учила?..

Вдоль линии сердца... Вот, в центре соединение... Она, в одном невольном порыве, прижалась губами к центру ладони, не веря в то, что делает сейчас, потом легонько провела языком по линиям, ощущая, как сосед вздрогнул всем телом.

– Черт... – низко застонал он, едва сдерживая тяжелое дыхание. Затем резко придвинулся к ней, притянул за шею к себе, жестко заглянул в глаза, предостерегая от следующего шага, – ты соображаешь, чего делаешь? Лучше остановись сейчас. Потом уже нихрена не получится.

Лина смотрела в его серые, глубокие глаза, с уже зарождающимся безумием на дне зрачков, и не хотела останавливаться.

Саша еще пару секунд смотрел на нее, словно не веря, давая шанс оттолкнуться, одуматься, а потом тяжелые ладони капканом сжались на талии, притягивая ближе, еще ближе, обвивая, обхватывая сильнее и грубее.

Губы, вкус которых так хотела ощутить Лина, заскользили по ключицам, шее, скулам, добрались до ее губ, захвати-

ли в плен, подчинили, увлекли в глубокий, жадный, немного грубый поцелуй.

И если до этого, на каком-то, еще оставшемся нерушимым краю сознания Лина сомневалась в своих решениях, то после никаких сомнений уже не было.

Она хотела этого мужчину. Хотела сейчас, и ей было решительно все равно, что будет потом, что будет дальше.

Видно, цыганский темперамент, где-то дремавший все это время, подобно огнедышащему дракону в подвалах замка, наконец, пробудился.

И, без сомнения, дракон сожжет все, до основания.

Сгорая в жадных, нетерпеливых руках, Лина не поняла, каким образом она оказалась на коленях Саши, с задранным до пояса платьем. Он чуть приподнял ее, раздался треск, нижнее белье улетело в угол кабинки, еще одно движение, приглушенный звяк пряжки ремня о пол.

Взгляд, темный, бешеный, Лина тонула в нем, задыхалась, не в силах оторваться.

Тяжелые ладони слегка надавили на бедра, насаживая, направляя, и Лину просто захватило небывалое, невероятное по силе ощущение заполненности. Она сдавленно ахнула, плотнее прижимаясь, и ответила на первые глубокие толчки такими стонами, о которых и не подозревала ранее. Не думала, что может звучать ТАК. Эти стоны эхом отдавались в замкнутом пространстве кабинки, заводя Сашу еще сильнее, заставляя менять позу, подминать выгибающуюся девушку

под себя, впиваться в ее губы жаждающим поцелуем, оставлять красные следы на шее, тонких сексуальных ключицах.

Лина не сдерживалась, просто не могла себя остановить, погруженная в полное ощущение абсолютной нереальности происходящего.

Словно со стороны наблюдала за происходящим.

Это не она сейчас так развратно стонет и выгибается на полу лифта в сильных, грубых руках малознакомого мужчины, это не она с жадностью отвечает на смелые ласки, о существовании которых даже не подозревала все два года брака, это не она бьется в неконтролируемом, диком экстазе, кусая своего партнера за шею, плечи, ладонь, закрывающую ей рот, чтоб хоть немного заглушить крики.

Это все не она.

Это какая-то другая, лишь внешне похожая на нее, девушка. Эта девушка с радостью отвечает на нежные поцелуи после такого жаркого внезапного секса. Поцелуи, тянущиеся, длящиеся, перерастающие опять во что-то невообразимое.

Второй раз отличается.

Это нечто томное, нежное, долгое, наполненное невероятной негой, уверенными сильными, подчиняющими движениями, взглядами, в которых она тонет без возможности выбраться на поверхность. Это глаза Саши, горящие от удовольствия, торжества обладания. Это его хриплый, сводящий с ума шепот на ушко, возбуждающие до внутренней дрожи грязные словечки, очень четко обозначающие, что

именно он собирается с ней еще сделать. Это финал, глубокий, оглушающий, длящийся невозможно долго, после которого еще очень нескоро получается сделать нормальный вдох.

Ближе к утру, уже окончательно вымотавшись, утомившись, Лина сидела, прислонившись к стене лифта, лениво перебирая пряди волос Саши, примостившегося у нее головой на коленях.

Сил не было даже на разговоры. Хмель давно выветрился, но сожаление не появилось. Только приятная, никогда ранее не испытываемая ломота в теле, пустота в голове, мягкое жжение натертых щетиной щек и сухость исцелованных губ.

Как бы ни было дальше, эту ночь Лина не забудет. И себя этой ночью тоже не забудет.

Она усмехнулась, подумав, как же ошибался Антон, говоря о ее несуществующем цыганском темпераменте.

Заметив мягкую усмешку на губах своего случайного любовника, вопросительно прошептала:

– Что?

– Да я тут мужа твоего вспомнил... – хрипловато усмехнулся Саша, – вот же лошара... Такую девочку упустить...

– Да? – Лина поразилась, насколько схожи были их мысли в этот момент.

– Да... Идиот просто...

– А ты? – шепотом, еще более тихим, практически на гра-

ни неслышимого, спросила Лина, тут же испугавшись своего вопроса.

О чем она вообще? О чем думает? Зачем?

Лина замерла, когда Саша внезапно поднялся, и, опираясь ладонями на стену с двух сторон от ее лица, приблизил свои губы к ее и так же тихо, как она до этого, прошептал, твердо и уверенно глядя в глаза:

– А я не упущу.